

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

126 ДЕК 1987

Родион ЩЕДРИН:

НАПОЕННАЯ ДУХОМ ВРЕМЕНИ

Стало уже хрестоматийной прописью говорить о Шапорине как о преемнике и продолжателе великих традиций отечественной музыкальной классики. И я не намерен оспаривать эту истину. Шапорин и по воспитанию, и по творческим своим пристрастиям, и по духу своего искусства — частица плоти классики нашей.

Вспомним. На многотрудную композиторскую стезю его благословил Глазунов, фундаментом его профессионального ремесла стала школа Римского-Корсакова и Петербургской консерватории, а благодатной почвой, на которой выросли замыслы художника, — великая русская литература. Как человек и музыкант он вырел в атмосфере живой русской речи, владел кладзем ее с изяществом и непринужденностью подлинного интеллигента, тонко ощущал многогранность и многозначность слова, звука, фразы, интонации.

Но при всей гармоничности своей натуры, Шапорин был бесконечно далек от академизма. Судите сами: мог бы он в ином случае увлечь идеями своими и замыслами великого Блока, находившегося на вершине славы? Нет, не случайно обаяние и неуспокоенность начинающего музыканта оказались столь сильны и неотразимы, что Блок в холодную, голодную пору 1919 года переделал для будущей симфонии-кантаты «На поле Куликовом» свой стихотворный цикл, дописав в затребованном Шапориним метре серебряный стих свой для каватины невесты «Я живу в отдаленном скиту». И молодой композитор оказался достоин этой великой чести: спустя годы именно он первым дал жизнь в музыке блоковской поэзии, создав непревзойденные шедевры.

А разве укладывается в рамки «традиционности» деятельная работа Шапорина в драматическом театре, развернувшаяся в послереволюционные годы? Началась она под крылом того же Александра Блока, бывшего председателем дирекции театра, где Шапорин заведовал музыкальной частью. В круг общения Шапорина входили художники самой различной творческой ориентации — от Горького и Луначарского до Александра Бенуа и Добужинского, Кустодиева, Замiatина, Собинова, Михоэлса, Охлопкова, Юдиной. С голоса Максима Горького, к примеру, записал Шапорин и обработал знаменитую теперь «Бурлацкую песню»: «Мы идем босы, голодные...».

В ряду значительных созданий советской музыки стоит Симфония Шапорина, эпиграфом к которой он взял строки из «Оды Революции» Маяковского. И по драматургической напряженности, по терпкому колориту, по автобиографической исповедальности — это многоликий музыкальный роман, воссоздающий яркий портрет эпохи, близкий к романам друзей композитора А. Толстого и К. Федина. Можно назвать и шутливую сюиту «Блоха», которая и сейчас, спустя 60 лет после своего создания, не потеряла своей ликующей свежести.

Внимательно вслушавшись в эти два только сочинения, мы легко убедимся, что от академизма они далеки. Живой пульс жизни бьется в них, они напоены духом времени. Уместно напомнить тут, что их автор в первые послереволюционные годы был активным деятелем, а затем и председателем ленинградской Ассоциации современной музыки, великолепно знал обо всем новом, что происходило в русской и европейской культуре, был причастен к этим процессам. И вместе с тем очевидно, что Шапорин — и тогда, и позднее, — не соблазнялся искусами моды, не следовал за призывами зазывал всевозможных ультраправлений. Что это — примета консервативности, академичности? Думается, нет, это просто образец следования своей натуре, убеждениям, своему естеству, голосу своего биологического и музыкального организма. Это и эстетическое, этическое постоянство.

Эти принципы и легли в основу крупнейших творений Шапорина. Он создавал их, каждый раз, как заботливая мать, вынашивая, пестуя свои замыслы, работая с истязующей себя взыскательностью, в муках рождая каждую ноту, каждую строку. Если для нас, увы,

Столетняя годовщина со дня рождения Юрия Александровича Шапорина, признанного классика и корифея нашей музыки, — одна из общественно значимых, весомых и назидательных дат. Сильным и ровным лучом высвечивает она многие вечные вопросы искусства и жизни, побуждает задуматься над ними.

слова о высокой композиторской ответственности стали сегодня расхожей монетой, для Шапорина это была сама суть жизни, единственно возможный способ существования, выполнения своей миссии. Руководствуясь этим принципом, он работал тщательно и неспешно, и мне как ученику его посчастливилось не только наблюдать, но и на себе испытать ожог его творческого горения.

Результат такого творческого метода не мог не вызывать уважения даже у тех, кому музыка его не была близка, кто исповедовал иную музыкальную веру. И это — тоже величайший урок Шапорина — урок серьезности и ответственности. Как важен он сейчас, когда иной раз — и нередко! — композиторы первую пришедшую в голову мысль выдают за выношенное, выстраданное свое создание. Не потому ли сетуем мы на засилье серой и безликой музыки, что урок этот забыт?

Шапорин-музыкант был и остается неотделим от Шапорина-человека, и облик его — еще один большой и назидательный урок для нас, потомков. В жилах его текла кровь барина и крепостной крестьянки, а по сути своей это был высочайшей пробы российский интеллигент в самом светосном смысле этого слова. Образованность, несуетность, фундаментальность, мудрость сочетались в нем самым и органично переходили в его музыку.

Расцвет творческой деятельности Шапорина пришелся на нелегкое для нашего искусства время — время крайностей и переклестов, невежественных директив и запретов, командных окриков и заманчивых прельщений. Нелегко было в этих условиях оставаться самим собой, пронести стяг честности. Шапорин сумел сделать это. И не потому, что музыка его якобы отвечала консервативным вкусам, а потому, что конъюнктура не колебала и не сумела поколебать его музыкальный корабль. Социальный заказ в примитивном, прямолинейном понимании был ему чужд. Он творил, руководствуясь высокими обязательствами перед Отечеством, работал не ради похвалы и не страшась хулы. Такие святошные понятия, как Родина, Отечество, Патриотизм, Мир, не были для него пустым звуком; он произносил их с трепетом; он думал о них, создавая свои масштабные партитуры — «На поле Куликовом», «Сказание о битве за русскую землю», «Доколе коршуну кружить?», свои проникновенные лирические миниатюры. Для него это не было выполнением конкретного минутного заказа: он чувствовал внутреннюю потребность к тому — потребность художника, человека, гражданина. Убежден, мало кто сделал больше для нашей вокальной и кантатно-ораториальной музыки, чем Шапорин. В числе его романсов — золотая пригоршня шедевров, среди которых высятся непостижимое «Заклинание», написанное на

смерть дочери, которое, уверен, будет восхвалять еще многие поколения. Его монументальные партитуры — веги нашей музыки. И, может быть, веги недооцененные, ибо Шапорин никогда не заботился о саморекламе, не тилился создать клан обслуживающих его критиков, готовых поспешно выдать его за мессию и пророка музыки.

Эта же потребность музыкально-поэтического претворения мира водела его пером, когда создавалась опера «Декабристы» — одно из высших творений мастера. О «Декабристах» чувствую необходимость сказать особо. Не потому только, что я был свидетелем завершающего этапа создания оперы, видел, с какой бережной тщательностью вынашивал и воплощал он свой замысел, каких душевных сил стоило ему продвижение к его завершению. Еще и потому, что убежден: «Декабристов» действительно можно отнести к числу шедевров нашей оперной музыки. В ней он воплотил сокровенные вершины человеческого духа, воспел этические идеалы, которыми и сам руководствовался всегда. Духовная красота героев оперы, воссозданная в музыке, тоже служит назиданием для нас, для людей новых поколений.

Так же, впрочем, как и жизнь самого Шапорина, его спокойное, непоказное мужество, его верность друзьям и долгу. Стоит вспомнить, что именно в 1937 году, после печально-известной статьи «Сумбур вместо музыки», он посвящает Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу романс на пушкинские стихи, заключаемый строками, полными пророческого смысла: «Затем, что ветру и орлу, и сердцу девы нет закона, Гордись! Таков я ты, поэт! И для тебя условий нет!» Разве это не акт подлинной гражданственности? А в 1949 году, вскоре после другого зубодробительного постановления, родилась его кантата «К Чаадаеву».

Урок принципиальности и честности — вся общественная и публицистическая деятельность Шапорина. И тогда, когда в 1936 году он ратовал за помещение некролога памяти Глазунова, чью смерть перестраховщики хотели бы замолчать; и когда радел за сохранение дома Балакireва в Горьком, об издании книги о Стравинском... Все это — поучительные уроки для нас, в наших сегодняшних музыкальных буднях, где все еще так ощущается дефицит культуры, честности, компетентности, профессионального отношения к делу. Шапорин никогда не выдавал свой метод, свой путь за единственно возможный, как теперь принято говорить — магистральный. «В музыке, — настаивал он, — могут и должны быть полярные индивидуальности. И критика наша только тогда будет отвечать своему назначению, когда без клятв и деклараций о необходимости художников «хороших и разных» на деле не будет стараться всех заставить писать одинаково, не будет стараться всех стричь под одну гребенку... Нам нужна в наших творческих организациях... атмосфера сплоченности, товарищества и высокого дружелюбия, атмосфера, свободная от пошлости групповщины и беспринципности. Именно в этом залог расцвета художественного творчества. Оно живет доверием к художнику». Полагаю, мы немало потеряли, забыв эти заветы Шапорина, не последовав им в полной и должной мере.

Юрий Александрович Шапорин ушел от нас уже два десятилетия назад. Каждый раз с тех пор, вспоминая по тем или иным поводам, чаще, увы, юбилейным, его лучшие сочинения, мы не устаем повторять, что они заслуживают устойчивой репутарной жизни. Но не могу с горечью не сказать, что все подобные призывы, будь они отнесены к музыке Шапорина или иных композиторов, все чаще повисают в морозном воздухе нашей скудной повседневной концертной жизни. И если взглянуть внимательно на столичные филармонические программы, то с тревогой думаешь — скоро подобные заклинания впору будет относить уже к музыке Бетховена и Чайковского, многие симфонии которых годами не могут услышать московские любители музыки. Вот почему еще, я думаю, нынешний юбилей — уместный повод еще раз сказать о необходимости оживления и оздоровления нашей концертной практики. Думаю, верю, что музыка Юрия Александровича Шапорина вернется к нам, ибо она достойна этого. Ее время придет...

В основу этой статьи положено выступление Р. Щедрина в Большом театре СССР на торжественном вечере памяти выдающегося художника.